

— Я прибью тебя, негодник! Совсем от рук отбился! Ешь мой хлеб, носи мою одежду, а теперь, когда я нашла тебе такое хорошее место, ты еще и отказываешься? А? Оперился, значит? Не хочешь делать так, как говорят отец с матерью? Да лучше бы я тебя прибила еще в колыбели!

Женщина, размахивая метлой, изо всех сил наносила удары по маленькой фигурке, забившейся в угол.

Тем, кого били, был юноша — совсем щуплый и хрупкий. На дворе стоял лютый мороз, а на нем — лишь обноски, к тому же явно не по размеру: тонкие запястья и лодыжки почти целиком торчали наружу.

Юноша сжался в комок, прикрывая голову руками, и безропотно принимал удары метлой. На его открытой коже то и дело вспыхивали сине-фиолетовые полосы от побоев, сквозь которые проглядывали старые, еще не зажившие шрамы.

Юноша не произносил ни звука. Привыкший к постоянным побоям и брани, он словно онемел от боли. Лишь изредка, когда удар приходился особенно больно, он тихо всхлипывал: «Ссс...»

Линь Хуань стоял рядом, совершенно не понимая, что происходит. Люди вокруг были одеты в странные наряды, какие он видел разве что в исторических фильмах. Он стоял здесь уже довольно долго, но никто из них словно не замечал его присутствия, и, разумеется, никто не слышал его голоса.

Когда женщина снова занесла метлу, Линь Хуань не выдержал и попытался вмешаться, пытаясь перехватить удар. Но его рука прошла сквозь древко метлы, будто он был призраком. Все вокруг казалось сновидением: он мог только наблюдать, не имея возможности коснуться хоть чего-то. Будто он находился в ином измерении, будучи сторонним наблюдателем, словно смотрел кино. Линь Хуань был ошеломлен, происходящее казалось невероятным.

Почему он здесь? Он вспомнил: работал в поле, когда увидел перепуганных детей, прибежавших с криками, что кто-то упал в реку.

Только вот, вытащив человека на берег, он сам запутался в донных водорослях и не смог выбраться. Линь Хуань насмешливо улыбнулся про себя: за свою недолгую жизнь он не сделал ничего хорошего, и вот, совершив единственный благородный поступок, тут же расплатился за него собственной жизнью. Зато, наверное, он попадет в криминальную хронику, верно? Когда соседи будут вспоминать о нем в будущем, может, перестанут называть проходимцем и хулиганом?

Она была единственной дочерью в семье Линь и обладала довольно миловидной внешностью — по крайней мере, в деревне ее считали первой красавицей. Родители из семьи Линь души в ней не чаяли, лелеяли как зеницу ока и надеялись, что в будущем удастся выдать ее замуж в дом чиновника или помещика. Мечтали, что гадкий утенок превратится в феникса, и тогда вся семья сможет подняться вместе с ней.

Так что же, он умер? Будучи более двадцати лет атеистом, он теперь не знал, плакать ему или смеяться. Смерть человека подобна угасанию лампы. В этом мире он был одинок, без опоры и близких, так что особо и не переживал. Но он никак не ожидал, что вместо перерождения, открыв глаза, окажется здесь и станет свидетелем этой драматической сцены.

Впрочем, наблюдая за происходящим со стороны, он постепенно начал понимать суть дела. Услышав крики, Линь Хуань бросил работу и бросился к реке. К счастью, она была недалеко, и, едва взглянув на воду, он увидел круги, расходящиеся по поверхности в самом центре. Он не считал себя святым, но и стоять в стороне, когда кто-то тонет, не мог. Не раздумывая ни секунды, он нырнул в воду и вытащил человека на берег.

В прошлый раз, когда Линь Чжи'эр была в городе, она присмотрела себе набор украшений, который стоил три лян серебра. Для крестьянской семьи это была неподъемная сумма. Дочери земледельцев могли позволить себе разве что серебряную заколку ценой в один цянь, и это уже считалось завидным украшением. А такие дорогие наборы, как тот, что стоил три лян, не всегда были по карману даже городским барышням.

И то, что семья Линь решила продать паренька Хуаня, было связано именно с Линь Чжи'эр.

А вера в то, что девочка принесет богатство, пошла от матери, Линь Чжоу-ши. Та с самого детства убеждала всех, что у дочери судьба богатой дамы, и если она будет совершать благие дела, то в будущем вся семья Линь заживет в достатке благодаря ей.

— Послушай, паренек Хуань, отец и мать ведь о тебе заботятся, — говорили ему. — Подумай сам, кому ты такой нужен? Стать наложницей господина в городе — это же настоящее счастье. Если через пару лет родишь господину Ли здоровенького наследника, тебя ведь наверняка возведут в статус законной жены. Тогда и мы, вся семья Линь, сможем погреться в лучах твоего успеха.

Река была небольшой, но в некоторых местах — по-настоящему глубокой. В знойные летние дни школьники часто приходили сюда купаться и играть, поэтому каждый год кто-нибудь здесь тонул.

Линь Чжи'эр прикрыла рот платком и тихонько хихикнула. Она стояла поодаль, словно боясь, что метла, которой орудовала женщина, случайно заденет её одежду.

Именно из-за этого семью Линь буквально пылинки сдувала с Линь Чжи'эр, выполняя практически любой её каприз. У Линь Чжи'эр были высокие запросы, она была уверена, что в будущем непременно выйдет замуж за состоятельного человека и заживет в свое удовольствие.

В этом мире существовали не только мужчины и женщины, но и так называемые горы — люди, занимающие промежуточное положение. Они могли выходить замуж, но их положение было ниже, чем у женщин, да и забеременеть им было гораздо труднее.

Тот избитый юноша тоже носил имя Линь Хуань, но, в отличие от Линь Хуаня, он был гором.

Родители продали гора Линь Хуаня господину Ли из города за пять лян серебра, чтобы тот стал его наложником. Хотя у господина Ли имелось небольшое состояние, сам он уже одной ногой стоял в могиле. Отдать паренька Хуаня в наложники — это все равно что отправить человека в огненную яму.

Разве мог паренек Хуань согласиться на такое? Он уперся и наотрез отказывался кивать.

Исходя из этого, нетрудно было догадаться, какое место в семье отводилось горам. В уважающих себя домах горов никогда не брали в законные жены, и если удавалось стать хотя бы наложником — это уже считалось большой удачей. Но наложник, по сути, оставался слугой: если хозяева дома захотят его продать, это будет лишь вопросом одного слова.

А скоро, после Нового года, наступал праздник Фонарей. В это время сыновья богатых семейств выходили в город любоваться огнями. Линь Чжи'эр надеялась, что если ей выпадет случай встретить достойного юношу, она сможет удачно выйти замуж и перебраться в город. Ей до смерти надоела эта убогая деревня, и возвращаться сюда она больше не хотела. Однако, чтобы пригласиться знатному господину, нужно было как следует нарядиться, а в их бедной семье и взять-то нечего. Линь Чжи'эр не хотела упускать такую возможность: если ждать еще год, она станет старше, и найти подходящего жениха будет куда сложнее.

Она была весьма уверена в своей красоте и считала, что ей не хватает лишь достойного убранства. Если бы она облачилась в золото и серебро, кто из городских девиц смог бы с ней сравниться?

Она прекрасно знала положение семьи Линь: за целый год они едва ли выручали несколько лян серебра, откуда взяться деньгам на роскошь? Поэтому, случайно услышав, как сваха ищет подходящих девушек или юношей для господина Ли из города, она наострила уши. Когда же до нее дошло, что господин Ли готов заплатить пять лян серебра за наложницу, в ее голове созрел план. Разве этих денег не хватит на все ее прихоти? Вернувшись домой, она принялась убеждать родных отправить паренька Хуаня к господину.

Семья Линь и раньше не жаловала паренька Хуаня, а услышав предложение Линь Чжи'эр, живо заинтересовалась. Пять лян! Это почти столько же, сколько они зарабатывали земледелием за весь год. На пять лян можно было купить му земли, да еще и сдача осталась бы.

Линь Чжи'эр была мастерицей пускать пыль в глаза. Она расписывала, как купит себе на эти деньги украшения и новые наряды, чтобы на Праздник фонарей затмить всех и привлечь внимание богатого вельможи. А если она выйдет замуж за богача, пять лян покажутся сущим пустяком, не говоря уже о десяти или сотне. Она легко сможет отстегнуть родне столько, что те будут жить, как у Христа за пазухой.

Аргументы звучали разумно, и вся семья прониклась этой идеей. В тот же миг решение было

принято, что и привело к сегодняшним событиям.

Услышав слова Линь Чжи'эр, Линь Чжоу-ши замедлила движения — она выдохлась и решила перевести дух.

Она всегда затаила обиду на этого юношу, паренька Хуаня. После того как родились старший Линь Пин и второй сын Линь Ань, третьим ребенком стал он.

Имея двух сыновей, она мечтала о дочери. Нынче дочери были в цене: удачно выйдет замуж — будет помогать родительскому дому.

Только подумать, ведь нынешняя Императрица тоже была из простой крестьянской семьи! Добилась расположения Императора, и теперь ее родня взлетела до небес. Власть, богатство — все при них. Ц-ц-ц, вся Поднебесная им завидует!

Если бы у нее была дочь, пусть даже не такая высокородная, как Императрица, она могла бы выйти замуж в хорошую семью и стать там законной женой. Это ведь престижно, правда?

Поначалу она очень ждала дочку. Будучи беременной, даже ходила к гадалке, и та нагадала девочку. Кто же знал, что роды будут тяжелыми, она чуть жизни не лишилась.

Думала, будет дочь, а родился паренек. Она смотрела на него и видела, как он ей не мил. И это было бы полбеды. Однако, когда пареньку Хуаню исполнилось пять лет, в деревню забрел даос. Увидев мальчика, он сказал, что судьба у него несчастливая, что он приносит беды своим близким и станет проклятием для семьи.

Линь Чжоу-ши приняла эти слова близко к сердцу. Неспроста ведь после рождения третьего ребенка она стала болезненной и слабой. А два года назад глава семьи пошел помогать на стройке, упал, чуть ноги не лишился и несколько месяцев лечился. Теперь-то ясно: это всё из-за проклятого паренька Хуаня.

С тех пор Линь Чжоу-ши окончательно возненавидела паренька Хуаня. Она его то била, то ругала, взваливая всю самую грязную и тяжелую работу. Можно сказать, с того самого дня паренек Хуань не знал ни минуты покоя.

Раз уж родители его не жаловали, то и остальные домочадцы относились к нему как к ничтожеству, презирали и вовсе не считали за члена семьи.

— Мама, остыньте, не бейте слишком сильно. А то господин Ли увидит следы побоев, и нам будет нечего ответить, — вмешалась Линь Чжи'эр.

Если его сильно покалечить, весь ее план рухнет, а этого допустить нельзя. Паренек Хуань — никчемный слабак, но раз за него дают пять лян серебра, значит, хоть какая-то польза от него

семье будет.

Линь Чжоу-ши, услышав это, неохотно опустила веник. Хорошо, что у нее есть дочь Чжи'эр, ведь именно на нее она возлагала надежды на обеспеченную старость.

Уперев руки в бока, она посмотрела на сжавшегося в комок паренька Хуаня, и ярость вновь вспыхнула в ней: — Короче говоря, хочешь ты или нет, а согласиться придется. Задаток от свахи уже взят, пути назад нет, даже если придется связать тебя и силком увезти.

Паренек Хуань внезапно поднял голову. На его худом, смуглом лице застыл ужас. Сквозь слезы он взмолился: — Матушка, умоляю вас, не отдавайте меня господину Ли. Я буду слушаться, буду делать больше работы по дому, только, прошу, не продавайте меня!

Но решение было принято, и никто не собирался слушать его возражения. Линь Чжи'эр уже обсуждала, когда они поедут в город покупать нужные ей вещи.

Это был шанс для дочери. Если удастся войти в богатый дом, разве эти деньги что-то значат? Линь Чжоу-ши, конечно, согласилась.

Линь Хуань, наблюдая за происходящим, сжал кулаки так, что суставы побелели. Ему нестерпимо хотелось броситься и избить их всех. Хотя он жаждал помочь этому тщедушному подростку, но был бессилен и лишь содрогался от жалости к нему.

В глазах паренька Хуаня погасла последняя надежда, на лице отразилось отчаяние. Он вскочил на ноги и в порыве решимости бросился головой на угол стола.

Линь Хуань не спускал глаз с юноши. В тот момент, когда тот, приняв решение, встал, его охватило дурное предчувствие. Когда мальчик метнулся к столу, он попытался заслонить его собой. Но было бесполезно: юноша прошел сквозь него, и раздался глухой удар, а следом — хлынула кровь.

В тот же миг Линь Хуань почувствовал резкую боль в голове, в глазах потемнело, и сознание покинуло его.

<http://bllate.org/book/20999/2135039>